

А. Б. Мухин

**САВВА ЯКОВЛЕВ —
КУПЕЦ, ПРОМЫШЛЕННИК, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬ**

Статья посвящена одному из самых знаменитых предпринимателей дореволюционной России Савве Яковлевичу Яковлеву. Его широко-масштабная деятельность рассматривается через призму экономических, политических и социально-культурных изменений, происходивших в России в XVIII в. Особое внимание уделяется отношению верховной власти к отдельным предпринимателям и к бизнесу в целом. Анализируются методы управления, применявшиеся С. Я. Яковлевым, и его вклад в развитие отечественной промышленности в сопоставлении с другими выдающимися предпринимателями той эпохи.

Российское предпринимательство прошло сложный путь исторической эволюции, и на каждой ступени развития оно имело своеобразные, уникальные черты, обусловленные изменениями форм собственности, особенностями встроенных институтов и институциональной среды, а также отношением правящих элит к предпринимательской деятельности.

Одним из важнейших этапов в истории становления российского бизнеса является вторая половина XVIII в., поскольку именно в этот период происходит интенсификация различных видов как торгово-посреднической, так и промышленной деятельности в рамках проводимой со времен правления Петра I политики государственной поддержки и поощрения отечественного предпринимательства.

В сложившихся условиях основными представителями российского бизнеса становятся купцы-предприниматели, наиболее состоятельных из которых правительство наделяло широкими, а в ряде случаев исключительными правами на ведение торгово-промышленных операций.

Среди выдающихся предпринимателей купеческого сословия особое место занимает известная, но малоизученная фигура Саввы Яковлевича Яковлева, деятельность которого носила диверсифицированный и поистине всеохватный характер. На протяжении практически всего рассматриваемого периода ему принадлежали видные позиции в различных сферах

предпринимательства — прежде всего в торговле, откупном деле и промышленности.

Интерес к фигуре С. Я. Яковлева обусловлен еще и тем, что недавно факультет менеджмента СПбГУ получил два представляющих значительную архитектурную ценность здания на Волховском переулке, которые в прошлом принадлежали роду Яковлевых.

К сожалению, информация о вкладе С. Я. Яковлева в развитие российского бизнеса, содержащаяся в немногочисленных источниках, носит в большинстве случаев фрагментарный и зачастую противоречивый характер¹.

Поэтому целью настоящей статьи является поэтапное и, по возможности, объективное освещение предпринимательской деятельности С. Я. Яковлева с учетом особенностей социально-экономической среды второй половины XVIII в. и его личностных характеристик.

Савва Яковлевич Собакин (ставший впоследствии Яковлевым) — потомок государственных крестьян — родился 9 декабря 1712 г. в г. Осташкове, из которого вышли также такие крупные петербургские купцы, как Апайщиковы и Резвые. Осташков славился своими рыбным, сапожным и кожевенным промыслами. Развитию кожевенного промысла способствовал прогон скота через соседние города Тверь и Новгород; по дороге часть скота забивали, что давало дешевое сырье [Русский биографический словарь, 1913, с. 100].

С ранних лет Яковлев помогал отцу, занимавшемуся скотопромышленным делом. По семейному преданию, он пешком, «с полтиною в кармане и родительским благословением» [Русский биографический словарь, 1913, с. 100] пребывает в Петербург, где начинает с торговли вразнос мясом и рыбой. Лоточнику помог случай: его приятный голос услышала императрица Елизавета Петровна, чрезвычайно любившая вокальное искусство и жаловавшая людей, имевших хоть какие-либо способности к нему. По приказу Елизаветы разносчика назначают поставщиком припасов для императорской кухни. Это обеспечило определенный начальный успех. Обогащению помогло и то, что многие знатные вельможи, глядя на императрицу, поручили Собакину снабжать и их собственные дома.

К концу царствования Елизаветы Петровны экономическое положение Яковлева еще более упрочилось: с 1759 г. он берет в откуп² все питейные сборы Москвы и Санкт-Петербурга, Ингерманландии, Кронштадта и

¹ Наиболее точная справочно-биографическая информация о С. Я. Яковлеве содержится в следующих источниках: [Русские портреты..., 1909; Русский биографический словарь, 1913].

² Откуп — это исключительное право, предоставлявшееся государством за определенную плату частным лицам (откупщикам) на сбор каких-либо налогов, а также продажу конкретных видов товаров.

Ладоги на семь лет.³ Кроме основных очевидных выгод, право на осуществление откупных операций играло для семьи, и даже друзей откупщика, роль своеобразной страховой функции от несчастных случаев и т. п. В указе императрицы было отмечено: «Ежели оные Савва Яковлев и Михайла Гусятников крайне заболят или умрут, то вместо их в правление того знатного откупа надлежит в первенство вступить их детям, а прочим объявленным же от него Яковлева товарищам» (далее следует список детей и товарищей Яковлева) [ПСЗ-1, т. 13, № 10906].

Чтобы оценить масштабы откупной деятельности Яковлева, имеет смысл обратиться к истории появления откупной системы в России и ее роли в становлении отечественного бизнеса.

Откупа известны с древнейших времен как в Европе, так и в Азии. Откупная система получила широкое распространение в Древнем Иране (с VI в. до н. э.), в Древней Греции и Древнем Риме (с IV в. до н. э.). О первых откупщиках есть упоминания и в Библии, где они именуются мытарями (мытарь — откупщик и сборщик податей и пошлин в Римской империи).

В России откупная система была введена в конце XV — начале XVI в. Получив широкое распространение в XVII в., она включала передачу на откуп таможенных, кабацких, проезжих, лавочных пошлин, а также различных сборов — с бань, харчевен, мельниц, солодовен и т. п. Наиболее доходными статьями являлись кабацкие и таможенные сборы.

К середине XVIII в. откупные контракты заключались на суммы, исчислявшиеся тысячами рублей, а откупные операции приобрели значение одного из важнейших источников накопления капиталов для купечества. Средний уровень прибыли от откупных операций определить достаточно сложно, однако, по данным сибирского губернатора Чичерина, в конце 60-х гг. XVIII в. откупщики, как правило, получали в качестве прибыли ежегодно не менее 30% от размера откупной платы [Разгон, 1998, с. 31]. Доход же государства только от винных откупов составлял более 40% суммы всех налогов бюджета.

Являясь источником получения сверхприбыли, откупная система создавала своеобразную конкурентную среду. Чтобы заключить контракт, Яковлев со своими компаньонами, в числе которых был крупный московский купец Михаил Петрович Гусятников, обязался выплачивать казне на 215 тыс. руб. больше, чем в нее поступало в предыдущие годы, и дал «надбавки» на 140 тыс. руб. по сравнению со своим конкурентом — богатейшим петербургским купцом Семеном Роговиковым. Общая сумма годовых

³ «Санктпетербургские и Московские питейные и прочие сборы, как во всех прежних местах... отдать на откуп Савве Яковлеву с товарищи с будущего 1759 г. впрдь на 7 лет, то есть по 1766 г.» (см.: [ПСЗ I, т. 13, № 10 906]).

выплат в казну составляла около 790 тыс. руб., сам же откупщик получал прибыль в 300–700 тыс. руб. в год.

Следует отметить, что доходы Яковлева от откупных операций были несопоставимы с прибылью, получаемой большинством откупщиков XVIII в.

Так, тобольский купец И. Дягилев в 1746 г. подписал контракт на содержание в течение четырех лет питейных сборов в девяти населенных пунктах Екатеринбургского уезда с обязательством вносить ежегодно откупную плату в размере 4117 руб. Компания, состоявшая из иркутских купцов С. Добрынского, В. Зайцева, А. Шалина, Василия и Михаила Сибиряковых, взяла в 1753 г. на 4-летний срок в откуп таможенные, кабацкие и канцелярские сборы в Нерчинском уезде за откупную плату в 7900 руб. в год [Разгон, 1998, с. 23].

5 марта 1762 г. Яковлев — компанейщик и обер-директор над питейными сборами — был пожалован Петром III в чин титулярного советника, а 20 апреля того же года — в чин коллежского асессора. Последнее давало ему право на получение потомственного дворянства.

Вскоре он получает откуп на все таможенные сборы на 10 лет [ПСЗ I, т. 16, № 11 546]:

Правительствующий Сенат, по доношению Обер-Инспектора Никиты Шемякина, и Обер-Директора Саввы Яковлева, объявляют: что по Именному Его Императорского Величества Высочайшему указу, подписанному мнувшего Марта 27 дня, Всемилостивейше повелено, все таможенные сборы отдать им в десятилетнее содержание, и к большему пресечению потаенных безпошлинных товаров всех проезжающих из-за границ и за границу, кто бы какого чина и звания ни был, никого, не исключая, как морем, так и сухим путем осматривать.

Отметим, что соответствующий именной указ подтолкнул Петра III на некоторые существенные выводы в области внешней экономической политики [ПСЗ I, т. 15, № 11 489]:

Рассматривая поданную Нам челобитную Обер-Инспектора Никиты Шемякина, и Обер-Директора Саввы Яковлева об отдаче им на откуп всех таможенных Государственных сборов отныне на десять лет, нашли Мы за достойно Нашего о Государственной пользе попечения сделать уважение и о самой коммерции.

Сколь нужно для благосостояния и пользы Государства вообще и особенно для его коммерции, чтоб выпуск здешнего продукта товаров, сколько можно, большим был противу привоза в Государство иностранных товаров, потому, что за излишний противу привоза выпуск получались бы в Государство наличные деньги, столько ж, подлинно к сожалению Нашему, что далеко доведенную с нескольких лет роскошью много потеряно из баланса в коммерции, как то упадок вексельного курса больше всего доказывает.

К сокращению излишних роскошей, Мы Сами Собою пример подавать будем и твердо надеемся, что все Наши подданные оному последовать станут...

В начале царствования Екатерины II положение Яковлева пошатнулось. По одной из версий, в день всенародных гуляний в своих питейных заведениях он отказался бесплатно поить народ в честь восшествия на престол императрицы, чем вызвал народное недовольство, которое выразилось в уличных беспорядках. Об этом было доложено Екатерине. Яковлев впал в немилость, и в народе ходили слухи, что, в качестве наказания, ему была пожалована пудовая чугунная медаль «За скупость», которую он был обязан носить на шее по праздникам. На самом деле после окончания гуляний правительство потребовало отчет о количестве израсходованного спиртного и получило в ответ подозрительно большое количество бочек. Была назначена следственная комиссия, которая выявила, что на всех столичных складах не могло храниться такого запаса водки, какой был выписан откупщиком.

Только широкой благотворительностью и раздачей разного рода пожертвований Яковлеву удалось смягчить гнев Екатерины, а затем и полностью вернуть ее благосклонность. Этому способствовало также то обстоятельство, что в год коронации Екатерины II Яковлев успел закончить обустройство внешнего вида церкви Успения Пресвятой Богородицы, возведенной на его средства. Чтобы увековечить столь знаменательное событие, на главный купол водрузили корону. Въезжая в столицу после коронации, Екатерина была приятно поражена, увидев корону на главном куполе первой церкви на границе города.

«Спас на Сенной», как называли церковь в народе, строился 12 лет — с 1753 по 1765 г. — и первоначально возводился на деньги купеческой гильдии Сенного рынка. Яковлев же очень спешил к знаменательной дате, поэтому вся венчающая часть храма и колокольни была сделана из дерева, да и кирпичная кладка сильно отличалась от материала первоначальной кладки. Зато в здании церкви находился придел во имя преподобного Саввы, куда Яковлев перенес прах своих родителей с Сампсониевского кладбища.

Церковь, вмещавшую до 5 тыс. человек, посещали в основном приезжие крестьяне, мелкие торговцы и ремесленники. Вокруг нее до 1869 г. шла красивая ограда, окружая небольшой живописный сад, но так как дома в этом районе приносили большие доходы, то на месте сада выстроили четырехэтажный дом с магазинами.

Храм на два века стал основной эстетической и архитектурной доминантой в панораме Сенной площади, но был разрушен при строительстве метро в 1961 г., что нанесло большой урон не только композиционной целостности площади, но и объемно-пространственной композиции Садовой улицы с ее системой высотных акцентов. В настоящее время планируется поэтапно восстановить сначала колокольню, а затем и саму церковь.

Несмотря на строительство церкви и различные пожертвования со стороны Яковлева, Екатерина всегда относилась к нему довольно холодно и

даже способствовала сокращению его доходов. Подтверждением этому является указ 1766 г. [ПСЗ I, т. 17, № 12 794]:

По Всевысочайшей Ея Императорского Величества конфирмации, состоявшейся прошедшего Ноября 18 дня, на поднесенном от Сената докладе, С. Петербургские и Московские питейные и прочие сборы отданы с будущего 1767 года на откуп Обер-Директорам Семену Роговику и Филиппу Угримову, Директору Александру Угримову и Венецианскому купцу Дмитрию Папанелопулу... Содержать им Роговику с товарищи нижеследующие сборы, а именно: написанные в прежнем 1759 года заключенном с Ассессором Саввою Яковлевым с товарищи контракте.

Императрица нелестно отзывалась о Яковлеве даже в личной переписке с Г. А. Потемкиным [Екатерина II и Г. А. Потемкин..., 1997, с. 40]:

Как мне подписать что по прошению Собакина, тогда когда мой есть указ о неувольнении их⁴. Есть *c'est une contradiction*⁵, а надо прописать какую ни на есть причину, как-то услугу или что вздумаете. Имя Собакина поныне в публице не заслуженное. Он же мне самой грубил прежде сего.

Грубость Яковлева заключалась, скорее всего, в том, что он, являясь богатым откупщиком, попытался перечить императрице, которая, вступив на престол, высказалась за отмену откупов на таможенные сборы.

Трудно сказать, чем бы закончилась деловая карьера Яковлева при таком отношении верховной власти, если бы не заступничество Потемкина. Помимо прочих услуг, оказанных князю, в 1774 г. Яковлев пожертвовал 12 тыс. руб. и 500 лошадей для формирования драгунского полка, чем вызвал еще большее расположение своего покровителя. Потемкин сначала в устной форме заступился за откупщика, а затем, по просьбе Екатерины, представил свои аргументы в письменном виде [Екатерина II и Г. А. Потемкин..., 1997, с. 40–41]:

Всемиловнейшая Государыня! При усерднейшем исполнении моем Высочайшей Вашего Императорского Величества воли о формировании оногo драгунского полка, с приятнейшим удовольствием имел я случай усмотреть ревностное в том соучастование между прочими коллежского ассессора Саввы Яковлева, который, по случаю скорого всех к полку сему принадлежащих вещей исправления, споспешествует капиталом своим на всякие вещи — двенадцать тысяч рублей — и пятьсот лошадей. Сей достойной хвалы и признания поступок обязывает меня, Всемиловнейшая Государыня, отдав ему предосвященным лицом Вашим должную, как ревнительному сыну отечества, справедливость, всеподданнейше просить о всемиловнейшем избавлении

⁴ Здесь Екатерина ссылается на свой указ о неувольнении от ратманства (Ратман (от нем. Ratmann), в Российской империи в XVIII–XIX вв. выборный член городских магистратов, ратуш, управ благочиния).

⁵ В этом противоречие (*фр.*).

его от ратманской должности, в которую он здешним магистратом избран. Сие Высочайшее к нему благоволение не токмо к лучшему отправлению коммерции его возспособствует, но и послужит примером для других в подобных сему опытах ревности. Купечеству же никакого отягощения тем не нанесется.

Всемиловитейшая Государыня!
Вашего Императорского Величества
Верно всеподданнейший раб
Григорий Потемкин.

После этого письма Екатерина сменила гнев на милость и даже не возражала против присвоения Яковлеву дворянского звания (имеется в виду потомственное дворянство) [Екатерина II и Г. А. Потемкин..., 1997, с. 41]:

Савву Яковлева можно бы скоро от ратманства освободить (все же сие только годовое дело) пожалованием его дворянином. Только он деревень накупит пропасть и станет мужиков переводить к рудокопным заводам⁶ и умножит число роптунов по справедливости.

Преимущество дано и освобождены они от служб казенных, а общественных — едва написано ли. Когда лучшие выбудут, кто же останется — дурные?

Занимаясь бизнесом, Яковлев не забывал и о собственном благоустройстве. В середине 1740-х гг. по его заказу на Невском проспекте был возведен жилой дом (Невский пр., д. 52). В 1766 г. дальновидный предприниматель скупает земли на окраине города вокруг Сенной площади — городская черта в те времена едва достигала реки Фонтанки. В его владении оказывается огромный участок земли между Садовой улицей, рекой Фонтанкой, Гороховой улицей и Обуховским (ныне Московским) проспектом. Здесь Яковлев строит себе дачу и большой дом на углу Садовой и Гороховой улиц.

В 1770-х гг. Яковлев продолжает принимать активное участие в обустройстве Петербурга и на Васильевском острове строит каменный двухэтажный дом (Волховский пер., д. 1). Считая модный в то время стиль барокко безвкусным, он повелел выстроить здание в классическом стиле. Это желание определило тот факт, что сейчас этот дом относится к числу памятников гражданской архитектуры XVIII в. и является одним из примеров раннего русского классицизма.

В 1796 г. на соседнем участке к западу от двухэтажного строения наследниками Саввы Яковлева был возведен большой каменный дом (Волховский пер., д. 3)⁷. Теперь в этом красивом здании располагается факультет менеджмента СПбГУ.

⁶ Екатерина здесь подразумевает настойчивое желание купечества получить права на владение крепостными крестьянами.

⁷ Более подробная информация об этом доме и его реконструкции на сайте факультета менеджмента СПбГУ (www.som.pu.ru).

Помимо указанных строений, Яковлеву также принадлежал участок, располагавшийся вдоль берега Малой Невы и получивший название «Сибирский двор», или «Биржевой двор». Сюда с его уральских заводов доставляли металл.

После раздела имущества, оставшегося после смерти Яковлева в 1784 г., «Биржевой двор» был условно разделен на неравные части. Вдове С. Я. Яковлева — Марии Ивановне Яковлевой — и его сыну Ивану отошла южная часть, на территории которой находились дом и складской амбар. В начале XIX в. Иван Саввич Яковлев вдоль западной границы участка построил каменные служебные помещения. В свою очередь его сын, гвардии корнет Алексей Иванович Яковлев, вступив во владение наследством, скупил соседние участки и в 1818 г. произвел реконструкцию территорий и капитальную перестройку домов. В результате изменения межевой границы (она была преобразована из ломаной в прямую) западный участок приобрел трапециевидную форму, а каменные служебные помещения были разобраны. Восточный участок имел ромбовидную конфигурацию. С тех времен и до наших дней форма участков больше не менялась. Окончательный раздел «Биржевого двора» между наследниками Саввы Яковлева был узаконен Петербургской управой благочиния в 1822 г.⁸

Как типичный представитель купеческого предпринимательства своего времени, отличительной особенностью которого было одновременное вложение капитала в различные сферы хозяйственной деятельности и отрасли производства, Яковлев приобретает и реорганизует ряд полотняных мануфактур Ярославской губернии, самая знаменитая из которых носила название «Затрапезной» по имени основателя И. Затрапезного (1764 г.).

Выбор Яковлева не был случаен: Ярославская Большая мануфактура являлась крупнейшим в России, а одно время и в Европе, ткацким предприятием, продукция которого славилась как в стране, так и за ее пределами.

Кроме полотняного (более 200 станков), у Яковлева имелось шелкоткацкое производство, бумажная мельница, маслобойка и даже кирпичный завод. Лучшие образцы Ярославской Большой мануфактуры поставлялись царскому двору.

Одновременно Яковлев сохраняет свои позиции в торговом и откупном деле, что также являлось характерной чертой для многих крупных промышленников-предпринимателей XVIII в. и способствовало экономической эффективности и росту капитала, чей экономический потенциал, с одной стороны, ограничивался узостью и неразвитостью внутреннего российского рынка, а с другой — подвергался опасностям изменения эко-

⁸ РГИА. Ф. 51. Оп. 1. Д. 802. Л. 14.

номической политики государства: Екатерина II уже с восшествия на престол высказывалась за отмену таможенных откупов.

Яковлев начинает инвестировать капитал в горно-заводскую промышленность. Расчетливый предприниматель скупает не просто современные заводы, а лидеров отрасли — колыбель уральской железодельной промышленности — Невьянский завод, затем одновременно с ним в 1769 г. приобретает у Прокопия Акинфиевича Демидова еще пять заводов: Быньговский, Шуралинский, Верхнетагильский, Шайтанский и Верх-Нейвинский. Эти заводы достаются Яковлеву с землей, лесами, природными ресурсами и людьми, а сумма сделки составляет более 800 тыс. руб., что превышало их реальную стоимость в 4,5 раза. По контракту Яковлев выплачивает П. А. Демидову 200 тыс. руб., а остальные 600 тыс. обязуется погасить в течение пяти лет.

Помимо заводов, новому владельцу досталась и готовая продукция, которую он приобрел с «уступкою» по 20 коп. с рубля. За Демидовым оставались только наличные деньги, имевшиеся в заводских конторах. Сделка для П. А. Демидова была выгодной. Невьянский завод, построенный за 11 800 руб. (1702 г.), в 1767 г. оценивался уже в 73 598 руб. Общая же стоимость всех проданных заводов достигла к 1769 г. 177 119 руб.

Несмотря на столь завышенную стоимость сделки, она была выгодна и Яковлеву, если учесть, как остро в крепостнической России стоял вопрос обеспечения крупного частного производства рабочей силой. Кроме производственной базы Яковлев приобретает несколько тысяч крепостных, и старые предприятия поставляют впоследствии рабочие кадры его новым заводам: Режевскому, Ирбитскому, Верхне-Синячихинскому, Верх-Нейвинскому, Верхне-Алапаевскому.

Впоследствии проблема с рабочей силой была решена окончательно. Благодаря покровительству князя Потемкина, предприниматель в 1777 г. получает потомственное дворянство, что давало право покупки крепостных⁹.

Подчеркнем, что получение Яковлевым потомственного дворянства было очень весомым доказательством успешности его предпринимательской деятельности.

На протяжении всего XVIII в. купеческий социальный статус был несопоставим с дворянским, что побуждало богатых купцов к получению дворянского звания. Это стремление было обусловлено, помимо всего прочего, желанием владеть крепостными деревнями, а также общей экономической ситуацией, не гарантировавшей устойчивого положения предпринимателя.

В России не существовало закона, предписывавшего жаловать дворянством за успехи в предпринимательской деятельности, однако предприни-

⁹ Герб рода Яковлевых внесен во 2-ю часть Общего гербовника.

мать мог стать дворянином в ответ на собственное ходатайство властям с прилагавшимся подтверждением всех его достоинств.

При этом полученный чин довольно редко давал права потомственного дворянства. Чаще всего предприниматели удостоивались звания только личного дворянства. Так, в 40–50-х гг. XVIII в. подобным званием были награждены за развитие бизнеса и образцовое содержание принадлежавших им предприятий владельцы полотняной и шелковой мануфактур в Москве С. Нахимов и А. Милютин, купец К. Матвеев, ярославский промышленник И. Заграпезнов (у которого Яковлев в 1764 г. купил Ярославскую Большую мануфактуру), суконный фабрикант И. Дряблов. Получение Яковлевым потомственного дворянского звания указывает на то, что он действительно являлся купцом и предпринимателем всероссийского масштаба.

Хозяйственная активность, поражающая своей экспансией современников, делает Яковлева обладателем всероссийского брэнда — демидовского соболя. Это клеймо, на котором был изображен соболя и выбито слово «Сибирь», славилось не только по всей России, но и далеко за ее пределами: в Англии, Швеции, Голландии. Данный знак высочайшего качества железа просуществовал вплоть до 1917 г.

Вместе с демидовскими заводами в 1769 г. Яковлев скупает предприятия графа С. П. Ягужинского, Холуницкие заводы генерал-прокурора А. И. Глебова, а в 1774 г. за 200 тыс. руб. Верх-Исетский завод графа Воронцова — и становится владельцем более 20 металлургических предприятий. Масштабы его деятельности легко оценить, если учесть, что к началу XIX в. предприятий в этой отрасли было чуть более 90. К тому же заводы Яковлева являлись не только лидерами по технической оснащенности, технологии и организации производства, но и представляли довольно мощные по тем временам предприятия. По выплавке чугуна самым крупным был Невьянский завод (до тыс. пудов в сутки), за ним шел новый завод в Реже. На каждом из этих заводов было занято до 300 цеховых работников. Помимо постоянных работников в цехах также трудились рудокопы, каменщики, дровосеки, плотники, углежог. Ряд заводов со временем был им реорганизован. Большое внимание уделялось возведению плотин и строительству домен.

Уральский регион многим обязан Яковлеву, который, продолжая дело известных предпринимательских родов России, развивал и строил железоделательные и медно-плавильные заводы и способствовал дальнейшей эксплуатации местных рудников.

А вот методы управления Яковлева своими предприятиями не отличались оригинальностью. Как и его предшественники, он активно использовал все элементы внеэкономического принуждения крепостных рабочих к труду: жестокие наказания даже за незначительные провинности, кнут, плети, колодки, цепи и каторжные избы. Народные придания на Урале сви-

детельствуют о том, что с приходом Яковлева положение крепостных еще более ухудшилось вследствие его крайней жестокости. Подтверждением этих слов может служить хотя бы тот факт, что на Невьянском заводе в старом хозяйском доме было найдено несколько человеческих скелетов, прикованных цепями к стенам. Также имеется немало свидетельств о возвышавшейся над заводом башне, с которой, как в лагере для заключенных, осуществлялся надзор над всей прилегающей территорией.

Еще одним фактом насилия, а также обмана государства является дело приписного к Невьянскому заводу крестьянина Алексея Федоровых (впоследствии ставшего Поляковым). В 1764 г. он объявил о найденных им на участке П. А. Демидова «золотых рудах». Однако ни Демидов, ни правительственные органы не придали заявлению крестьянина никакого значения. Когда во владение заводом вступил Савва Яковлев, Федоровых напомнил правительству о своей находке. Узнав об этом, новый хозяин завода приказал арестовать крестьянина. Этот, на первый взгляд, странный поступок объясняется просто. Собакин испугался, что у него по закону могут отобрать земли в пользу казны. Его подручные схватили Федоровых с сыном в Ирбите, отобрали у них весь товар и 3 тыс. руб., и в закрытой повозке отвезли в Невьянск. Отсюда сын был отправлен на корабле сначала в Кострому, а затем в Нижний Новгород, где его след теряется. Самого Федоровых, сильно изувеченного еще в Ирбите, держали в Невьянске в оковах до 1797(!) г. Каким-то чудом Алексею Федоровых удалось подать прошение на Высочайшее имя, в котором он излагал обстоятельства дела и просил его освободить.

В 1797 г. указом Берг-Коллегии канцелярии главного правления заводов было велено освободить узника и допустить его к разработке найденных им золотых руд. Помимо этого, предписывалось также провести следствие по делу Федоровых и выяснить, по какой причине указанные золотые прииски не были разведаны.

Однако Яковлева к тому времени уже не было в живых.

Вообще, несмотря на успехи С. Я. Яковлева в различных сферах предпринимательства, его социальный имидж всегда оставлял желать лучшего. Это связано с рядом довольно скандальных дел, разбивавшихся в Сенате, и множеством обвинений в его адрес на протяжении всей его карьеры. По свидетельству современников, Яковлев обладал жестокой натурой и неугодных ему простых людей избивал, держал на цепи и т. п. С существовавшими законами Яковлев также мало считался.

Так, в 1767 г. Яковлев «расторгнул» брак купца Кошкина (брак был признан незаконным), мотивируя свой поступок тем, что этот брак был заключен с нарушениями закона. Дело получило огласку, когда потерпевший обратился в суд с жалобой. Яковлев, преследуя личные цели, сделал ставку на то обстоятельство, что вопрос о браке Кошкина находился на

рассмотрении духовных властей. Тем не менее в том же году брак был признан Синодом законным.

Когда жалоба Кошкина дошла до Сената, на Общем Собрании голоса распределились следующим образом. Десять сенаторов считали Яковлева невиновным и предлагали отменить принятое ранее решение об его аресте. Причем двое из них (Чичерин и князь Трубецкой) высказались даже об объявлении Яковлеву благодарности за его смелый поступок. Только три сенатора признавали обвиняемого виновным и подлежащим аресту сроком на три месяца. Скорее всего, Яковлеву удалось бы избежать ответственности, если бы в число этих трех не входил князь Вяземский, твердо вставший на сторону обвинения. В результате императрица предписала взыскать с Яковлева «за бесчестие и убытки» в пользу Кошкина по одному рублю за каждый день с момента «расторжения» брака. Помимо этого, на Яковлева был наложен штраф в размере годового оклада генерал-полицеймейстера «как тогдашнего начальника над благочинием в столице» [История правительствующего Сената..., 1911, с. 660]. Последнее решение, по всей видимости, было обусловлено прежде всего наличием присвоения функций власти, поскольку практически во всех подобных делах того времени обвинение строилось на том, что подозреваемый совершал действия, объективно входившие в компетенцию какого-либо государственного органа. При этом не имело значения, выдавал себя обвиняемый за представителя властных структур или нет.

Широкую известность также получило дело о насилии Яковлева над четой подлекаря Грудинского, которого вместе с женой он долгое время прикованными цепью держал у себя в заточении. Решение этого дела представляло собой прецедент, выявивший недостатки юридической системы России того времени.

Ход судебного разбирательства выглядел следующим образом. После рассмотрения жалобы, поданной Грудинскими, Камер-контора присудила Яковлева к тюремному заключению, но когда дело было представлено в Сенате, оно явилось предметом серьезных споров и разногласий как в Общем собрании, так и в департаменте. Некоторые сенаторы считали, что дело носило чисто криминальный характер, другие полагали, что оно относится к гражданскому праву и его рассмотрение находится в юрисдикции Камер-конторы.

Один сенатор высказал мнение, что дело действительно является криминальным, но поскольку результатов экспертизы, подтверждающей рукоприкладство, не представлено, его следует отослать на доработку в Камер-контору. Четыре члена Сената усматривали в деле две составляющие. Первая, как они полагали, была связана с вопросом поругания чести пострадавших. Эту часть дела они предлагали вернуть в Камер-контору для дальнейшего разбирательства и направления по указу об апелляциях. Вторая часть, по их

мнению, относилась непосредственно к уголовному праву и должна была быть рассмотрена в Сенате в соответствии с существующим законодательством. Наконец, три сенатора настаивали на том, что решение Камер-контроля является правильным и следует вынести аналогичный приговор. К этой группе примкнул и вышеупомянутый князь Вяземский, находившийся тогда в чине генерал-прокурора.

Конец всем спорам, как часто бывало в подобных случаях, положило вмешательство императрицы. Как и в предыдущем случае, она приняла сторону меньшинства, отметив, что дело Яковлева не следует считать обыкновенным гражданским проступком и что «насилие личное над гражданином в числе уголовных быть разумеемо должно» [История правительства Сената..., 1911, с. 664–665].

Тем не менее предписанное наказание нельзя назвать суровым. Яковлеву было велено возместить Грудинским моральный ущерб, а также выплатить пострадавшим за убытки по рублю за день, считая с даты совершения преступления. И, как и в прошлый раз, Яковлев был оштрафован в пользу приказа общественного призрения на сумму, равную годовому окладу генерал-полицеймейстера, за «присвоение» власти.

Здесь может возникнуть вполне логичный вопрос: почему Савве Яковлеву всегда удавалось избежать серьезного наказания за свои преступления? Причин тут несколько. Во-первых, покровительство высоких чинов государства, купленных либо задобренных Яковлевым. Во-вторых, подобные преступления не считались в деловых кругах, да и в высшем свете, чем-то экстраординарным, выходящим за рамки российского менталитета того времени. И в-третьих, несовершенство законодательной базы открывало широкий простор для злоупотреблений и коррупции. Низшая судебная инстанция прикрываясь недостаточно четкой формулировкой закона, запросто могла направить любое уголовное дело, в котором помимо жалобы потерпевших содержалось упоминание о какой-либо денежной сумме, в гражданский суд. Это означало, что правонарушение приобретало уже частно-правовой, а не уголовный характер. Такое дело при желании было легко прекратить или, во всяком случае, затянуть на неопределенный срок. Даже в случае передачи в высшие инстанции подобным делам не могли дать ход, поскольку они уже не удовлетворяли требованиям закона ввиду смены юридического статуса. Поэтому их отсылали обратно на рассмотрение низших инстанций, и судопроизводство затягивалось снова.

Действие этой системы можно наглядно проследить на примере преступлений не только самого Саввы Яковлева, но и его сына Петра, как видно, унаследовавшего отцовский характер и подходы к ведению бизнеса. Так, во время судебного разбирательства по поводу вексельной претензии Саввы Яковлева к купцу Фомину выяснилось, что Петр напал на гражданина Кузь-

мина, состоящего на службе Яковлева в Пскове при питейном деле, избил его и отобрал все документы, квитанции, счета и вещи, заложенные Фоминым Яковлеву с целью обеспечения векселя. Затем он привез Кузьмина в Петербург, в дом отца, где долгое время держал его в заточении.

Камер-контора, куда поступило это дело, «не поняв» его уголовного характера, направила его по инстанциям, затянув разбирательство на десять лет. А когда потерпевший, отказавшись от услуг своего поверенного, захотел лично ознакомиться с материалами судопроизводства, ему в этом было отказано, а дело сдано в архив [История правительствующего Сената..., 1911, с. 665].

Другой сын Яковлева, Савва, которому отец писал: «Савва! Будешь у меня кость глотать, как положу тебе в год на прожитие только сто тысяч» [Знаменитые россияне XVIII–XIX веков..., с. 166], прославился своим скандальным поведением и мотовством на весь Санкт-Петербург. В итоге он разорился и покончил жизнь самоубийством. Долги Саввы принял на себя его родной брат — Иван Яковлев.

На формирование отрицательного общественного мнения оказала также ода «К Скопихину», высмеивающая жадность Яковлева и сочиненная Г. Р. Державиным по поводу вышеописанного инцидента, связанного с восшествием императрицы Екатерины II на престол [Державин, 1957, с. 290–291]:

Не блещет серебро, в скупой
Земле лежаще сокровенным.
Скопихин! Враг его ты злой,
Употреблением полезным
Пока твоим не оценишь,
Сияющим не учинишь.

Бессмертно Минин будет жить,
Решившийся своим именем
Москву от плена свободить,
И тот Демидов, что с терпеньем
Свой век казну копил и вдруг
Дал миллионы для наук...

Престань и ты жить в погребях,
Как крот в ущельях подземельных,
И на чугунных там цепях
Стеречь, при блеске искр елейных,
Висящи бочки серебра
Иль лаять псом вокруг двора.

В объяснениях к своим сочинениям Державин характеризует Яковлева (тогда еще носившего фамилию Собакин) следующим образом [Сочинения Державина..., 1864–1883, с. 689]:

Под именем Скопихина разумеется Собакин, миллионщик, но весьма скупой, который, по крайней мере, неизвестен публике, — не сделал никакого народного благодеяния, хотя прочие, несравненно меньше его имения имущие, оказали себя полезными бедным людям разными добрыми учреждениями.

Однако отрицательный имидж не мешал умножать Яковлеву свое состояние, а его природная изворотливость всегда спасала от праведного гнева первых лиц государства.

Несмотря на вышеописанные инциденты, С. Я. Яковлева нельзя причислить к самым суровым предпринимателям XVIII в. К сожалению, многие представители знаменитых фамилий России, занимавшихся бизнесом, превосходили его по степени жестокости в отношении к своим работникам.

Для сравнения можно привести несколько печальных примеров.

Так, Никита Никитич Демидов всегда отличался крутым нравом, и в его деревнях и на заводах нередко происходили крестьянские бунты. В 1751 г. он купил у князя Репнина деревню в Обоянском уезде. Крепостные, зная жестокый характер нового хозяина, отказались допустить Демидова к владению имением и добились того, что уже купленное имение было снова возвращено Репнину по приказанию правительства.

Его сын, Евдоким Никитич Демидов, владелец Авзяно-Петровских (Верхнего и Нижнего) железоделательных заводов в Оренбургской губернии и Дугненского, Выровского и Людиновского чугуноплавильных заводов в Московской губернии, также слыл очень суровым хозяином. На его предприятиях из-за крайне жестокого обращения с крепостными рабочими нередко вспыхивали крестьянские бунты, принимавшие иногда широкие размеры и носившие характер вооруженных восстаний. В 1741 г. в Ромодановской волости Калужской провинции в имении Демидова все крепостные, в том числе и женщины, отказались повиноваться своему хозяину и восстали с оружием в руках. Против возмущившихся был послан полковник Олиц с 500 солдатами, но был разбит крестьянами и взят в плен, а из отряда его было ранено 11 офицеров и 218 человек нижних чинов.

Для усмирения тех же крестьян был отправлен затем бригадир Хомяков, который сжег несколько деревень и, подступив к селу Ромодановскому, захватил около 200 крестьян. В Петербурге действия Хомякова нашли малоэффективными и предали его военному суду, а на его место отправили генерал-майора Опочинина, которому удалось поймать около 670 человек. Зачинщиков из возмущившихся крестьян Опочинин сослал в Сибирь на демидовские же заводы, но для более тяжелых работ.

В 1761 г. крестьяне Демидова, приписанные к его Авзяно-Петровскому заводу, прекратили работы, а в следующем году жаловались на притеснения Демидова в Сенат, который поручил произвести следствие по этому делу генерал-майору Кокошкину и полковнику Лопатину. Вместе с тем в

том же 1762 г. для усмирения взбунтовавшихся был отправлен генерал-квартирмейстер князь А. А. Вяземский, которому была дана на этот случай очень подробная, подписанная самой императрицей инструкция. Инструкция эта полностью помещена в Сборник Императорского Русского Исторического Общества и интересна как исторический документ, призванный показать заботливость русского правительства о фабричных рабочих. Князю Вяземскому предписывалось прежде всего привести бунтовщиков в рабское послушание и усмирить, потом сыскать подстрекателей, в случае крайности смирить их оружием, затем расследовать причины неудовольствий и осведомиться: «Не лучше ли горные работы производить вольнонаемными работниками, чтобы этим, если можно, отвратить на будущее время все причины к беспокойствам и работу сделать и прочнее, и полезнее?» [Русское небо].

Показательным является и еще один интересный эпизод. Хищнический способ хозяйствования в отведенных для заводов Демидова лесах заставил тульское дворянство отправить своего депутата в Екатерининскую комиссию для составления проекта нового уложения и вручить ему наказ хлопотать, чтобы Демидову запрещено было иметь завод в Алексинском уезде на р. Дугне, в 150 верстах от Москвы, так как это предприятие потребляло ежегодно более 400 тыс. бревен. Однако прошение дворян не принесло желаемого результата.

Представители других знаменитых предпринимательских родов так же, как и Яковлев, часто прибегали к помощи покровителей из высших чинов государства, и далеко не всегда отличались честностью и гуманностью.

Так, находившийся во владении горнозаводчика Андрея Родионовича Баташева Гусевский завод был весь изрыт подземными ходами, и в одном из обширных помещений производилась постоянная чеканка монеты. Когда на завод прибыли правительственные агенты с целью проверить слухи о «Баташевском монетном дворе», Андрей Родионович, не задумываясь, похоронил в подземелье живьем всех работников, дав указание немедленно засыпать все ходы и выходы [Неизвестные страницы русской истории].

Таким образом, можно предположить, что Яковлев мог просто перенять суровые методы ведения дел у своих коллег по бизнесу. Вместе с тем ничто не мешало ему ввести более гуманные порядки на своих заводах.

Однако следует отметить, что Савва Яковлевич добился успеха не только вследствие использования жестких методов ведения дел и покровительства высших чинов государства (которое тоже нелегко было заслужить), но и благодаря уму, личной энергии, таланту, знаниям, а также редкому трудолюбию и упорству. Конечно, в карьере Яковлева немаловажную роль сыграли и царская милость, и необыкновенное везение, вынесшее простого мещанина из глубинки на страницы российской истории. Но главными каче-

ствами, благодаря которым он проложил себе путь к богатству, славе и знатности, являлись деловая хватка и высокий профессионализм. Яковлев знал экономику России, хорошо разбирался в политическом и общественном устройстве, понимал язык, нравы и обычаи других сословий.

Его слава связана не только с огромным состоянием, но и с выдающимися заслугами в развитии отечественного производства (наследники Саввы Яковлевича считались самыми крупными русскими заводчиками).

Его роль в становлении тяжелой промышленности трудно переоценить. Благодаря уральской металлургии, в развитие которой немаловажный вклад внес герой нашего повествования, Россия стала державой, экспортирующей промышленный металл (железо и медь) в Англию и другие страны Европы.

Кроме того, предпринимательская деятельность С. Я. Яковлева способствовала развитию не только тяжелой, но и легкой промышленности России — им был основан кожевенный завод в Санкт-Петербурге, увеличено производство на Ярославской Большой мануфактуре и Великосельской бумажной фабрике.

Не следует забывать и о том, что Савва Яковлевич принимал активное участие в обустройстве Санкт-Петербурга и различных благотворительных акциях.

Скончался Савва Яковлевич Яковлев в 1784 г. История сохранила для нас три его портрета, написанных художником М. Л. Колокольниковым в разные периоды жизни предпринимателя. Самый ранний из них — «Портрет молодого человека в голубом кафтане» (1730–1740 гг.), хранящийся в фондах Государственного Русского музея в Санкт-Петербурге. На нем запечатлен Яковлев в самом начале своего делового пути.

Два других написаны в 50–60-е гг. XVIII в. Первый находится на хранении в отделе истории русской культуры Эрмитажа, второй — в фондах Русского музея Санкт-Петербурга.

На портрете в Эрмитаже создан образ человека, уже заявившего свои практические таланты и уверенно начавшего предпринимательскую карьеру. На более позднем портрете — суровость выражения и грубоватость черт в сочетании с волевой напряженностью лица как бы специально выдают простонародное происхождение Яковлева, одетого по последней моде: в красивый голубой кафтан с серебряными пуговицами и такой же камзол, с черной шляпой под мышкой.

На последнем портрете имеется интересная надпись, скорее всего, продиктованная самим Яковлевым:

Портрет коллежского асессора, Ярославской Большой Мануфактуры и Сибирских железных заводов содержателя Саввы Яковлева. Родился в 713-м году декабря, 5 дня. Уроженец города Осташкова. В Санкт-Петербургское купечество

вступил в 757-м. Исключен с детьми из подушного оклада и пожалованы вольными по именному Ея Императорского Величества высочайшему указу 752. Был директором над московскими и Санкт-Петербургскими питейными сборами указом правительствующего Сената в 752, коллежским ассессором по именному же указу пожалован в 761-м годах. Писан в 1767 году месяца марта.

Этот портрет поступил в Государственный музей истории Ленинграда в 1974 г. в дар от одного из потомков художника.

После смерти Саввы Яковлевича его наследство стало предметом жарких споров и судебных разбирательств со стороны родных и близких предпринимателя.

Чтобы прекратить затянувшиеся тяжбы, раздел его имущества был юридически оформлен именным указом императрицы, в котором предписывалось «Губернскому Правлению и Городовому Магистрату наблюдать, дабы распределение имения умершего Саввы Яковлева немедленно исполнено было, и тем были прекращены разорительные для наследников тяжбы и споры» [ПСЗ I, т. 22, № 16 203].

Согласно указу, вдове Саввы Яковлевича отходила седьмая часть оставленного. Остальное имущество было разделено на четыре доли.

Петру Саввичу досталась самая крупная по численности населения Невьянская часть (в которую вошли Невьянский и Быньговский заводы). Она включала в себя 4329 крепостных. Верх-Исетская часть с 2616 крепостными в составе Верх-Исетского, Режевского, Холуницкого и Климковского заводов, а также Великосельской бумажной фабрики отошла Ивану Саввичу. Сергей Саввич получил Алапаевскую часть с 1843 крепостными.

В 1788 г. И. С. Яковлев купил у своей матери все отошедшие ей по разделу заводы: Шуралинский, Верхне-Тагильский, Верх-Нейвенский, Шайтанский, Сылвенский и Уткинский с 2278 душами крепостных. Таким образом, он сосредоточил в своих руках большую часть Уральских заводов отца.

Всего же наследие Яковлева в виде заводов, фабрик, готовой продукции, наличных денег и ценных бумаг составляло около 7 млн руб. Наследники были благодарны ему не только за оставленное богатство, но и за дворянское звание.

Многие из потомков Яковлева внесли свой вклад в развитие отечественной промышленности и торговли. Наиболее выдающиеся из них были пионерами введения новейших технических достижений (строительство и увеличение высоты доменных печей, использование поршневых воздуходувных установок, возведение специальных плотин для приведения в действие заводских молотов и т. п.) на своих предприятиях, что позволяло сократить расход топлива и увеличить объемы выплавки металла. Заводы Яковлевых славились далеко за пределами России, а изделия получали медали на международных выставках.

Поэтому роду Яковлевых, безусловно, должно принадлежать почетное место в плеяде самых знаменитых предпринимателей России.

Литература

- Державин Г. Р.* Стихотворения. Л., 1957.
- Екатерина Вторая, Потемкин Г. А.* Личная переписка, 1769–1791 / Подготовил В. С. Лопатин. М.: Наука, 1997.
- Знаменитые* россияне XVIII–XIX веков. Биографии и портреты. По изданию великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVIII–XIX столетий». СПб.: Лениздат, 1996.
- История* правительствующего Сената за 200 лет (1711–1911 гг.). СПб., 1911.
- Неизвестные* страницы русской истории [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rus-sky.org/history/library
- ПСЗ* (Полное собрание законов Российской империи). <Собр. 1>. Т. 17. Царствование государыни императрицы Екатерины II. Сенатский указ № 12 794 от 2 декабря 1766 г. «Об отдаче питейных сборов в С. Петербурге и Москве на откуп Обер-Директору Семену Роговикову с товарищи с 1767 года». СПб., 1830.
- ПСЗ* (Полное собрание законов Российской империи). <Собр. 1>. Т. 22. Царствование государыни императрицы Екатерины II. Именной указ № 16 203 от 15 мая 1785 г. «О разделе оставшегося после Коллежского Ассессора Саввы Яковлева имения между наследниками его». СПб., 1830.
- ПСЗ* (Полное собрание законов Российской империи). <Собр. 1>. Т. 13. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Сенатский указ № 10 906 от 15 декабря 1758 г. СПб., 1830.
- ПСЗ* (Полное собрание законов Российской империи). <Собр. 1>. Т. 15. Царствование Государя Императора Петра III. Именной указ № 11 489 от 28 марта 1762 г. «Об отдаче Обер-Инспектору Шемякину, и Обер-Директору Яковлеву таможенных Государственных сборов на откуп на десять лет, на условиях, от Правительства назначенных». СПб., 1830.
- ПСЗ* (Полное собрание законов Российской империи). <Собр. 1>. Т. 16. Царствование Государя Императора Петра III. Сенатский указ № 11 546 от 22 мая 1762 г. «О дополнительных статьях к заключенному с Обер-Инспектором Шемякиным, и Обер-Директором Яковлевым». СПб., 1830.
- РГИА.* Ф. 51. Оп. 1. Д. 802. Л. 14.
- Русский* биографический словарь. Т. «Яблоновский—Фомин». СПб., 1913.
- Русские* портреты XVIII–XIX столетий. СПб., 1909.
- Русское* небо [Электронный ресурс]. — Режим доступа: www.rus-sky.com
- Разгон В. Н.* Винные откупа как форма накопления капиталов в Сибири (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.). Барнаул: АГУ, 1998.
- Сочинения* Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: В 9 т. СПб., 1864–1883.

Статья поступила в редакцию 3 марта 2005 г.